
ЕРЕТИКЪ СЕИТЬ.

Въ житіи московскаго митрополита, св. Петра (1308—1326 г.), написаннаго ростовскимъ епископомъ Прохоромъ, разсказывается, что послѣ „посрамленія“ тверскаго епископа Андрея на извѣстномъ соборѣ въ Переяславлѣ суздальскомъ; „святый святитель началъ еще болѣе ревностно учить не только по градамъ, но и весямъ, переходя съ мѣста на мѣсто, не-останавливаемый ни трудами, ни болѣзнями, нелѣпно заботясь о стадѣ Христовомъ. И се тако еретика препрѣ, пріѣхавши на прю, и прокля и“. ¹⁾ Этотъ краткій и неопредѣленный разсказъ у другаго составителя житія, м. Кипріяна, восполняется такъ: „такъ и въ старость приходя баше (Петръ), сирымъ же и вдовицамъ и убогимъ, яко присный отецъ являшеся. Въ тоже время и Сеить еретикъ явися и чуждая церкви Христовой и православныя вѣры мудрствуя, его же святый препрѣ и непокоряющися того проклятію предаеть, иже и погиге“. ²⁾ Наконецъ, о томъ же имѣется еще болѣе подробное извѣстіе у Татишева. „Въ 1313 году, пишетъ онъ, явися въ Новгородѣ еретикъ протопопъ новгородскій, къ нему же присташа мнози отъ причета церковнаго и миряня, и епископъ тверскій Андрей помогаша има, глагола: се яко рай на земли погиге, и святый ангельскій монашескій чинъ ругаль безбожнымъ учениемъ бѣсовскимъ именовашу, и мнози отъ инокъ изъшедше оженихуся. Преосвященный же митрополитъ Петръ созва въ

¹⁾ Въ Истор. Рус. Церкв. м. Макарія, т. IV, изд. 1886 г., прилож. III, стр. 314.

²⁾ Степен. ки., т. I, стр. 418—419.

Переяславль соборъ велій: быша ту вси епископи и игумены, попы, діаконы и чернецы и отъ патріарха Аеоносія клирикъ ученый, и многу прѣнью бывшу, едва преосвященный митрополитъ Петръ кіевскій и всея Россіи отъ божественнаго писанія и помоцію и заступленіемъ князя Ивана Даниловича преодолѣ проклятаго еретика, а самъ иде по градамъ поучая право вѣрити и укроти молву и смущеніе діавольское прогна“³⁾.

О томъ, кто таковъ былъ еретикъ, чему онъ училъ и пр. изслѣдователи стали доискиваться давно. Всѣхъ занимала эта таинственная личность, и понятно—почему. Четырнадцатый вѣкъ въ исторіи духовнаго развитія русскаго народа малоизвѣстенъ. Мы знаемъ, что въ политическомъ отношеніи съ него начинается великая строительная работа, закончившаяся созданіемъ міроваго царства, но почти ничего неизвѣстно о томъ, чѣмъ жилъ въ это время русскій народъ, какіе были его умственные и религіозные запросы. Естественно, поэтому, что всякій намекъ на то встрѣчалъ къ себѣ со стороны писателей живѣйшій интересъ, а „ересь“ предполагала уже цѣлое движеніе. Однако попытки уяснить не только послѣднее (такихъ попытокъ и не дѣлалось), а хотя бы только указать, въ чемъ состояла „ересь“, кончились неудачей, первый же историкъ русскихъ ересей и расколовъ „студентъ московской духовной академіи“, Н. Рудневъ безпомощно заявлялъ, что онъ не берется объяснить „эти противорѣчія (показанія житійныя съ показаніями Татищева) за неимѣніемъ другихъ свидѣтельствъ о Сеитѣ“⁴⁾. Неудача Руднева не остановила другихъ, и авторъ статьи „Св. Петръ, митрополитъ кіевскій и всея Руси“ высказалъ слѣдующее мнѣніе. Вычитавъ у Карамзина⁵⁾, что у татаръ-магометанъ „сеитами“ назывались „вѣроучители, онъ предположилъ „не былъ ли упомянутый еретикъ изъ крещенныхъ сеитовъ и не

³⁾ Татищевъ, кн. IV, стр. 92--93.

⁴⁾ Разсужденіе о ересяхъ, стр. 72.

⁵⁾ Карамзинъ сообщаетъ, что казанскій царь Саятъ-Гирей дѣйствовалъ по совѣту „сеита, т. е. главнаго изъ духовн. сановниковъ“. (И. Р. Г VII, прим. 263, изд. Эйнерлинга); пріѣхалъ изъ Казани посольство... отъ сеита, улановъ... (тамъ же, примѣч. 181); жена Едыгера казанскаго бѣжала въ великую Бухарію къ одному доброму сеиту (Магометову потомку—IX прим. 644.

отъ [того ли сей еретикъ у Татищева называется протопопомъ⁶⁾].

Догадка эта была усвоена арх. черниговскимъ Филаретомъ съ тѣмъ лишь измѣненіемъ, что, почитая еретика русскимъ по происхожденію и, согласно съ Татищевымъ, новгородцемъ, онъ допускаетъ увлеченіе со стороны „несчастливаго протопопа магометанской страстью къ чувственной жизни“, за что ему и дано было „мѣткое“ магометанское прозваніе „сеить“ и за что „достойно пала на него анаѣма“⁷⁾. Довольно подробныя рѣчи Сеиту посвящаетъ генераль Геннадій Карповъ. Нашедши „неточности“ въ рассказѣ Степенной книги, онъ рѣшилъ за „лучшее принять рассказъ Татищева“, которому и слѣдуетъ вполнѣ, не мудрствуя лукаво о томъ, чему собственно училъ Сеить и еп. Андрей⁸⁾. Но несообразность въ извѣстномъ отношеніи свидѣтельства Татищева была такъ очевидна, что м. Макарій, раздѣляя точку зрѣнія Руднева, отвергъ его; несогласенъ онъ и съ мнѣніемъ о Сеить, какъ о бывшемъ магометанскомъ „вѣроучителѣ“, принявшемъ христіанство и отпавшемъ отъ него впоследствии. Основываясь на томъ, что мѣсто о еретикѣ въ историческихъ сказаніяхъ читается различно, между прочимъ и такъ: „въ то же время и *се инъ* еретикъ еретикъ явился“, м. Макарій находитъ послѣднее чтеніе болѣе вѣрнымъ и толкуетъ его слѣдующимъ образомъ. Впереди шла рѣчь о еп. Андрѣѣ, какъ противникѣ м. Петра. Составитель житія, почитая Андрея еретикомъ, говоритъ, что св. Петръ простилъ его, но вотъ явился „инъ“—иной, т. е. другой послѣ еп. Андрея „еретикъ“, который этой милости не получилъ, и былъ проклятъ⁹⁾.

Итакъ, м. Макарій тоже не утруждаетъ себя вопросомъ о сущности ереси. Въ полномъ объемъ занялся имъ Е. Е. Голубинскій. Опириуя надъ текстомъ древнѣйшаго житія и замѣнивъ въ немъ слова „и се тако“ словами: „сеить“, онъ усвоилъ мысль прот. Горскаго, принимая это выраженіе въ смыслѣ порицательнаго имени, взятаго съ арабскаго

⁶⁾ Прибавл. къ твор. свв. о.о., 1844, ч. II, 78, прим. же.

⁷⁾ Рус. святые, изд. 1882, сентябрь—декабрь, стр. 585.

⁸⁾ Чтен. въ Общ. Ист. Др., 1864, III, „Очерки изъ исторіи рос. церк. иерархіи“, стр. 39—43.

⁹⁾ Ист. Рус. Церк., т. IV, прилож. IV, стр. 316—317.

языка и означающаго потомковъ Магомета (срвн. Карамзина) отъ дочери его Фатимы и зятя Авія, а у татаръ употребляющагося для обозначенія высшихъ духовныхъ лицъ, „какъ бы магометанскихъ архіереевъ“. Онъ не соглашается только съ тѣмъ, что этотъ „сеить“ сначала былъ христіаниномъ, а потомъ совратился въ ересь, что требовалось для выясненія понятія „еретикъ“. Относительно послѣдняго проф. Голубинскій просто рѣшаетъ, что слово это въ житіяхъ употреблено „въ весьма несобственномъ смыслѣ“, все же дѣло, по нему нужно представлять такъ. Въ то время, когда митрополитомъ былъ св. Петръ, татары, въ 1313 г. при Ханѣ Избекѣ, приняли магометанство. Весьма возможно, что на первыхъ порахъ между ихъ магометанскими духовными находились люди, мечтавшіе обратить въ магометанство и русскихъ, или же покрайней мѣрѣ—посрамить въ публичномъ спорѣ митрополита, чтобы тѣмъ открыть доступъ въ его царству магометанской пропагандѣ. Въ подтвержденіе своей догадки Голубинскій останавливается особенно на выраженіяхъ: „пріѣхавши“ и „пріѣхавшую“, что будетъ значить—въ первомъ случаѣ, что св. Петра ханъ вызывалъ въ Орду для пренія, и во второмъ, что самъ „сеить“ пріѣзжалъ къ митрополиту. „Во всякомъ случаѣ эти „пріѣхавши“ и „пріѣхавшую“ нисколько не идутъ къ обыкновенному еретикъ (такъ какъ ни Петръ не поѣхалъ бы къ нему, ни онъ къ Петру) и подтверждаютъ вѣроятность нашего предположенія“¹⁰⁾.

Представленный обзоръ мнѣній, конечно, не обнимаетъ собою всего, что говорилось о Сеить, но все, сказанное о немъ, не выходитъ изъ границъ мыслей приведенныхъ писателей. Уяснить личность еретика и его ученіе дѣлаетъ собственно одинъ лишь Е. Е. Голубинскій—къ нему и обратимся. Легко видѣть, что все объясненіе его держится на предположеніи, что слово „сеить“ принадлежало исключительно арабско-татарскому словарю и совсѣмъ не употреблялось у русскихъ; поэтому, если бы оказалось противное, именно, что русскіе, независимо отъ татаръ, употребляли его и пользовались имъ для обозначенія своихъ собственныхъ понятій и представленій, тогда, ясно, пало бы и все его построеніе. На дѣлѣ такъ и есть.

¹⁰⁾ Ист. Рус. Цер., т. II, 1-я 1/2 т., стр. 130—131.

Слово „сеидъ“, „сейидъ“, въ русской транскрипціи „сеить“, у магометанъ, дѣйствительно, обозначало людей извѣстнаго происхожденія или званія¹¹⁾, и въ этомъ смыслѣ у русскихъ, для себя, было не употребительно, но слово „Сеить“ у нихъ несомнѣнно употреблялось и обозначало прозваніе, замѣнявшее собою по древнему обычаю собственное имя. Такъ въ смутное время противъ сброда Сапѣги городъ Ростовъ защищалъ воевода Третьякъ *Сеитовъ*¹²⁾; въ царствованіе Алексѣя Михаиловича въ Воронежѣ воеводою былъ *Сеить* Алексѣевичъ Хрушовъ, которому въ 1660 году царь слалъ свои грамоты, подписывая ихъ: „воеводѣ нашему Сеиту Алексѣевичу Хрушову“¹³⁾.

Въ обоихъ случаяхъ „Сеить“, очевидно употреблено въ качествѣ *собственного* имени (а не нарицательнаго), для обозначенія *христіанина* (а не магометанина) и при этомъ *русскаго* (а не татарина). Такимъ образомъ слово „Сеить“ независимо отъ татарскаго и совсѣмъ съ другимъ значеніемъ несомнѣнно было въ употребленіи у русскихъ, а въ такомъ случаѣ ничто не мѣшаетъ намъ разсматривать нашего еретика носившаго въ качествѣ собственнаго имени прозваніе Сеить, какъ *русскаго* по своему происхожденію и до своего возвращенія—*православнаго*—по вѣроученію. Что это такъ, ясно видно изъ приведенныхъ житійныхъ извѣстій, изображающихъ три слѣдовавшія одно за другимъ дѣйствія: „непокорность“, „проклятіе“ и „погибель“ еретика.

Оба автора житія, еп. Прохоръ и м. Кипріанъ, не говоря уже о Татищевѣ, представляютъ событія развивающимися и совершающимися въ одной средѣ, именно церковной. Среди подчиненныхъ митрополиту, какъ главѣ церкви, возсталъ человекъ, который обнаружилъ нежеланіе подчиниться порядкамъ церковной жизни, каковымъ онъ слѣдовалъ раньше. Тогда митрополитъ рѣшилъ показать всю ошибочность и преступность его поведенія, произошло „преніе“, во время котораго хотя и показана была полная несостоятельность

¹¹⁾ См. приведен. мѣста у Карамзина, а также въ Ист. о Казанск. царствѣ (Казанскій лѣтоисецъ), П. [С. Р. Л., т. XIX, стр. 392, примѣч. с. стлб. 68, 75, 124, 177, 318, 335.

¹²⁾ Соловьева, Ист. Рос., кн. 2, стлб. 862.

¹³⁾ Матер. для исторіи ворон. губ., т. I, №№ 44, 46; срвн. „Списки городов. воеводъ“, стр. 52, 94, 193 и др.

мнѣнія возставшаго—онъ былъ „препрѣнь“—тѣмъ не менѣе тотъ продолжалъ безразсудно упорствовать, чѣмъ и выразилъ свою „непокорность“ митрополиту, авторитету котораго обязанъ былъ повиноваться. Сдѣлавъ все возможное для вразумленія еретика и видя, что это ни къ чему не ведетъ, митрополитъ „проклялъ“ „непокоряющагося“, исключилъ его изъ общества православныхъ, сдѣлалъ его церковнымъ „изгоемъ“, лишеннымъ покровительства законовъ, вслѣдствіе чего за духовною смертію, по современному обычаю, послѣдовала и смерть физическая, казнь: еретикъ „погибе“. Какъ видимъ, ходъ событій источниками представленъ вполне естественно, но мы обратимъ вниманіе собственно на выраженіе, непокоряющагося“. Возможно-ли его приложить къ человѣку, который принадлежалъ къ другой, *не русской* государственной организаціи, исповѣдывалъ чуждую, *нехристіанскую* религію и словомъ, былъ совершенно чуждъ всему тому, что представлялъ въ своемъ лицѣ митрополитъ? Непокорность бываетъ тамъ, гдѣ противятся обязательнымъ законнымъ требованіямъ и не исполняютъ ихъ, но нельзя же сказать, что законы русскаго государства были обязательны для татарина и ученіе христіанской церкви для магометанина, а вѣдь это и утверждаетъ проф. Голубинскій, выдавая Сента „за магометанскаго архіерея“! Потомъ, какъ митрополитъ могъ проклинать, т. е. отлучать отъ церкви¹⁴⁾ того, кто къ ней никогда и не принадлежалъ, „магометанскаго архіерея“? Наконецъ, не могла и свѣтская власть предавать смерти человѣка, совершенно ей неподвластнаго. за то, что онъ былъ „проклятъ“ митрополитомъ¹⁵⁾.

¹⁴⁾ Наше „клясть“, „проклинать“ *происходитъ* отъ греч. κλειώ (слыть, славиться), προκλύω (прежде слышать), отглагол. прилаг. κλεινός, κλειτός. и κλυτός (славный), πρόκλυτος (извѣстный; славный). „Проклятый“ будетъ значить „прославленный“ (въ отрицательномъ значеніи), а проклинать—значить доводить до общаго свѣдѣнія о такихъ поступкахъ извѣстнаго лица, которые дѣлаютъ дальнѣйшее его пребываніе въ обществѣ невозможнымъ.

¹⁵⁾ Е. Е. Голубинскій, видя въ выраженіи „погибе“ полную „погибель“ своей гипотезы, по своему обыкновенію въ такихъ случаяхъ, обрушивается на м. Кипріяна за то, что онъ „присочинилъ“ будто бы слово „погибе“: „это могло случиться очень просто; онъ (Кипріянь) принялъ сента за обыкновеннаго еретика и прибавилъ: „погибе“ по апіорическому заключенію“ (Ист. Рус. Цер., т. II, 1-я 1/2, стр. 131, примѣч. 2). Об-

Итакъ, на основаніи сказаннаго, думаемъ можно положительно утверждать, что слово „сеить“ обозначало собою собственное имя еретика, который вышелъ изъ среды *русскаго* народа и до своего еретичества принадлежалъ къ *православной* церкви. Если же это такъ, то мы имѣемъ возможность опредѣлить, откуда онъ происходитъ и въ чемъ состояли его заблужденія.

Единственнымъ мѣстомъ появленія Сеита могъ быть только Новгородъ или Псковъ. Здѣсь именно были самыя благоприятныя условія для оппозиціи церкви и для образованія противнаго ей движенія.

Въ то время, когда русская государственность закончивала свое вѣчевое существованіе, чтобы чрезъ удѣльный періодъ перейти къ монархическому строю Руси московской, Новгородъ и Псковъ, подъ влияніемъ благоприятно сложившихся обстоятельствъ, постепенно вырабатывали для себя особую форму государственнаго быта, подходившаго къ республиканскому, который историкъ Костомаровъ называлъ обыкновенно „народоправствомъ“. Уже съ половины XII в. Новгородъ пріобрѣлъ себѣ политическую и отчасти церковную независимость, выражавшуюся въ томъ, что онъ имѣлъ свое внутреннее управленіе посредствомъ выбранныхъ на вѣчѣ властей, призывалъ по своему усмотрѣнію князя и удалялъ его; выбиралъ на вѣчѣ и владыку, котораго потомъ посвящалъ въ санъ митрополитъ. Въ устройствѣ Новгорода много было отрицательныхъ сторонъ, изъ коихъ самая важная была та, что въ немъ въ скоромъ времени установилось господство знатныхъ, богатаго торгово-промышленнаго класса, угнетавшаго особенно въ экономическомъ отношеніи простыхъ новгородскихъ „мужиковъ“. Тѣмъ не менѣе Новгородъ упорно отстаивалъ свою вольность, когда ей грозила опасность со стороны-ли нѣмецкаго ордена, шведовъ, литовцевъ, или же со стороны русскихъ великихъ князей. Нов-

виненіе неосновательное уже потому, что гадать здѣсь нѣтъ никакой нужды. Вѣдь дѣло вовсе не въ „погибе“, а въ „прокля“, котораго и Е. Е. не отрицаетъ, ибо первое было слѣдствіемъ второго. Почему у Кипріяна могло явиться „априорическое заключеніе“? Потому, очевидно, что послѣ „прокля“ обыкновенно слѣдовало „погибѣ“; въ данномъ случаѣ „прокля“ несомнѣнно было, слѣдовательно, было, и „погибе“... Чего же тутъ было сочинять Кипріяну?!

городцы цѣнили въ своей вольности то, что она давала имъ возможность самоопредѣленія, свободно себя чувствовать, свободно говорить и думать, словомъ—жить, какъ хотѣлось. На вѣчѣ самый простой вѣчникъ могъ кричать на посадника и требовать отчета у верховнаго совѣта точно такъ же, какъ онъ требовалъ отчета у своего владыки, почему стоитъ ведро и нѣтъ дождя, необходимаго для урожая, и не разъ заподозрѣннаго святителя „вѣчные мужики“ изгоняли изъ св. Софіи. Эти же „мужики“, когда выходили изъ себя, могли, вопреки всѣмъ гражданскимъ и уголовнымъ законамъ, руководствуясь просто глазомѣромъ, отдавать „на потокъ“ невиновнаго, но неугоднаго имъ боярина и не стѣсняясь его званіемъ, столкнуть въ воду съ волховскаго моста. Однако эта безпорядочная свобода господина великаго Новгорода и его младшаго брата Пскова (съ XIV в.) правилась даже тѣмъ, кто уже живалъ строго-правовымъ порядкомъ, но особенно она привлекала къ себѣ неужившихся по какимъ-л. причинамъ у себя дома, свободѣ и жизни коихъ грозила опасность; для такихъ лицъ эти города были настоящей обѣтованной землей. Для нихъ Новгородъ и Псковъ широко открывали свои двери несмотря на то, что рыцарство это нерѣдко сопровождалось крупными для нихъ непріятностями со стороны князей литовскихъ и нѣмцевъ, русскихъ князей и татаръ, а митрополитъ московскій каралъ ихъ отлученіемъ отъ церкви. Эта роль современной Швейцаріи, которую играли „сѣверно-русскія народоправцы“ вплоть до самаго своего паденія, между прочимъ, имѣла важное значеніе въ исторіи нашихъ церковно-религіозныхъ движеній.

Уже сама по себѣ атмосфера ихъ воспитывала въ гражданахъ духъ гордый и непокорный, съ трудомъ укладывавшійся въ рамки законности, чего бы это ни касалось—политическихъ-ли убѣжденій или же вопросовъ христіанскаго вѣроученія и морали, такъ что почва здѣсь всегда готова была для разнообразныхъ выступленій. Легко, поэтому, представить себѣ, какую оппозицію со стороны новгородцевъ вызывала церковь въ силу уже одного непререкаемаго своего авторитета, требовавшаго безпрекословнаго подчиненія себѣ и какъ дѣйствительно они противились самымъ законнымъ ея требованіямъ, противясь напр., верховной власти

московскаго митрополита и даже константинопольскаго патріарха. Въ данномъ и другихъ подобныхъ случаяхъ видна, конечно, прежде всего рѣшимость отстоять во что бы то ни стало своеобразную свободу, но не менѣе ясно проглядываетъ и черта, характеризующая новгородское церковное недомысліе и полное непониманіе основныхъ началъ каноническаго устройства. Въ самомъ дѣлѣ, какой дѣтской наивностью отзывается одна только ссылка новгородцевъ на свою клятву не принимать къ себѣ митрополита, какъ на основаніе отказывать ему въ мѣсячномъ судѣ и впредь! Настаивая на необходимости соблюденія клятвы (предъ м. Кипріаномъ), они не въ состояніи были уразумѣть того, что дана-то она ими была совершенно незаконно! Но особенно новгородцы бывали непреклонны, когда они въ религіозныхъ вопросахъ подозрѣвали политическую подкладку. Ревниво храня свои вольности, они видѣли врага въ каждомъ, кто такъ или иначе угрожалъ ей, и такъ какъ угроза эта постоянно шла изъ Москвы, то и церковь, въ лицѣ митрополита, представлялась имъ такимъ же естественнымъ союзникомъ великихъ князей, какимъ былъ союзникомъ Новгорода и его владыка. Конечно, это была правда: единомысліе митрополитовъ московскихъ съ своими великими князьями и помощь, какую они оказывали имъ въ разныхъ политическихъ дѣлахъ, былъ фактъ, но ошибоченъ былъ тотъ выводъ, что отсюда и церковь становилась изъ *русской* и *православной* только *московской*, соблюдавшей интересы только московскаго княжества. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было да и быть не могло, а между тѣмъ изъ-за этого предубѣжденія новгородцы уклонялись отъ источника вѣроученія и, когда бывала нужда, оказывались безпомощными.

При такихъ-то условіяхъ создавалась религіозно-церковная жизнь въ Новгородѣ и Псковѣ. Отличительныя черты ея были: слабое развитіе церковности, слабое пониманіе значенія и цѣли Церкви, какъ учрежденія божественнаго, ея ученія, образовъ и вообще недостаточное проникновеніе церковной авторитетностью. Понятно, поэтому, что новгородцы и псковичи нерѣдко возмущались такими церковными порядками, которые въ другихъ мѣстахъ почитались и обычными и законными. Особенный интересъ среди нихъ къ себѣ

вызвалъ вопросъ о пошлинахъ за поставленіе на клирическія должности. Вопросъ этотъ, разсматривавшійся на Переяславскомъ соборѣ въ 1311 году, когда въ симоніи обвинялся между прочимъ м. Петръ, не мало волновалъ вообще русскихъ, въ Новгородѣ же и Псковѣ. обостренію его способствовало еще и то обстоятельство, что здѣсь собиралось столько всякаго рода сборовъ въ пользу архіерейскаго дома и архіерейскаго клира, сколько не собиралось нигдѣ. Помимо общихъ всѣмъ епархіямъ сборовъ, въ Псковѣ, напр., духовенство должно было платить за пріѣздъ владыки двоякаго рода пошлину: поплѣшную, взимавшуюся съ каждой плѣши, т. е. съ cadaго клирическаго лица, и кормовую, которая „обнимала все разнообразіе житейскихъ потребностей, необходимыхъ во время подѣзда какъ для самого владыки, такъ и для его людей“ ¹⁶⁾. Въ Новгородѣ и его областяхъ духовенство было обложено: 1) „пѣвчей“ или пѣвшей“ гривной. Можетъ быть, въ видахъ пріученія къ церковному благочинію, новгородское духовенство обязано было поочередно отправлять въ Софійскомъ храмѣ недѣльные службы. Новгородскіе священники довольно рано стали предпочитать личному исполненію этой обязанности внесене известной денежной суммы въ пользу софійскаго причта съ тѣмъ, чтобы службы отправляли сами софіяне ¹⁷⁾; 2) праздничной гривной. Съ давняго времени у новгородцевъ былъ обычай приглашать на свои храмовые праздники для служенія софійскаго протопопа съ причтомъ и чествовать его за трудъ угощеніемъ и поднесеніемъ нѣкоторыхъ даровъ. Но являясь вначалѣ актомъ добровольнаго усердія, даръ съ теченіемъ времени сдѣлался обязательнымъ и опредѣлился уже въ размѣрѣ тоже гривны ¹⁸⁾; 3) „проскурной“ пошлины, состоявшей въ томъ, что съ просвирницъ, занимавшихся печеньемъ просфоръ для храмовъ, взималась опредѣленная плата, обыкновенно тоже въ размѣрѣ новгородской гривны, но иногда больше, иногда меньше ¹⁹⁾. Всѣ эти пошлины шли въ пользу причта софійскаго собора. Но кромѣ этихъ

¹⁶⁾ Никитскій, Очерки внутр. исторіи церкви въ велик. Новгородѣ Ж. М. Н. Пр. ч. ССН, стр. 37.

¹⁷⁾ Тамъ же стр. 38.

¹⁸⁾ Тамъ же стр. 39.

¹⁹⁾ Тамъ же, стр. 39—40.

постоянныхъ пошлинъ софіане пользовались и случайными доходами; напр., когда они освящали церкви, то весь сборъ, собранный въ это время, брали цѣликомъ себѣ, или же разрѣзали антимины на части и выдавали ихъ за цѣлыя, чтобы брать за нихъ больше ²⁰⁾. Такимъ образомъ положеніе духовенства въ отношеніи къ своему владыкѣ было таково, что не могло не возбуждать въ немъ недовольства. Но что особенно важно было, такъ это то, что недовольство проникало и въ массу новгородскаго населенія. Происходило это по слѣдующей причинѣ. Приходское духовенство въ Новгородѣ и Псковѣ не составляло, какъ въ другихъ мѣстахъ, особаго сословія; оно пополнялось не путемъ наслѣдственной передачи духовныхъ должностей, а путемъ свободнаго поступленія въ него изъ всѣхъ классовъ новгородскаго населенія. Какъ выходъ, такъ и вступленіе въ ряды духовенства, были открыты рѣшительно для всѣхъ желающихъ. Лица, носившія санъ діакона и священника, легко слагали его съ себя, что нисколько не отражалось на ихъ послѣдующей карьерѣ; такъ мы видимъ, напр., какъ во Псковѣ одинъ „раздьяконъ“, „сынъ поповъ“ Андрей Ивановъ достигъ даже званія боярина! Точно также получить священное званіе доступно было людямъ всякаго состоянія, какъ видно изъ свидѣтельства арх. Геннадія, говорящаго, что у него бывали ставленники и „мясники“ („Омельяно“) ²¹⁾. Вотъ почему духовенство, не составляя ни отдѣльной касты, ни особаго сословія, а только лишь классъ, какъ другіе составляли классъ ремесленниковъ, классъ торговцевъ, тѣсно было связано съ остальнымъ обществомъ, и что касалось духовенства, что интересовало его, въ такой же мѣрѣ касалось всего народонаселенія. Была еще причина, заставлявшая новгородцевъ и псковичей небезразлично относиться къ своему приходскому духовенству. Будучи отягачаема въ пользу епархіальной власти разными повинностями, послѣднее само вынуждалось для всего содержанія и пропитанія прибѣгать къ той же системѣ поборовъ съ прихожанъ и какъ духовенство роптало на свое положеніе, точно также ропоть на него поднимала и паства. Такъ устанавливался

²⁰⁾ Тамъ же.

²¹⁾ Тамъ же, стр. 41.

порядокъ, одинаково нежелательный и клиру и мірянамъ. Уже самъ по себѣ этотъ порядокъ, при наличности условій новгородскаго быта, создавалъ почву, весьма воспримчивую для разнаго рода броженій; если же сюда присоединить еще и постороннія вліянія, которыя несомнѣнно имѣли мѣсто въ церковно-религіозной жизни Новгорода и Пскова, тогда станеть понятнымъ и появленіе здѣсь „еретиковъ“ и „ересей“.

Съ первыхъ же своихъ шаговъ русское христіанство стало подвергаться нападенію опаснаго врага, византійскихъ павликіанъ, сдѣлавшихся впоследствии (съ XII в.) извѣстными подъ именемъ богомоловъ. Представителя этой секты мы видимъ уже при св. Владимірѣ великомъ, нѣкоего Адріанаскопца (1008 г.), но потомъ непосредственные слѣды еретиковъ (въ 1128 г. упоминается еще Дмитръ) теряются. Нужно думать, что, встрѣчая себѣ отпоръ со стороны греческаго духовенства, проживавшаго на Руси, и со стороны русскихъ князей, богомилскіе проповѣдники вынуждены были прекратить свою пропаганду, или по крайней мѣрѣ дѣйствовать съ большою осторожностью, но ученіе ихъ стало распространяться другимъ путемъ, путемъ литературнымъ.

Богомилская письменность заносилась къ намъ вмѣстѣ съ святоотеческою литературой изъ Византіи и изъ славянскихъ государствъ Балканскаго полуострова, особенно изъ Болгаріи. Народу съ апокрифической литературой, любимымъ чтеніемъ древнихъ русскихъ людей, богомилскія сказанія получили у насъ широкое распространеніе. Тогда, чтобы оградить вѣрующіихъ отъ увлеченія его, духовные учителя стали составлять особыя росписи книгъ, которыя вообще не слѣдуетъ читать православнымъ и среди которыхъ отводится мѣсто и богомилскимъ измышленіямъ. Первый такой указатель (кодексъ) съ обозначеніемъ книгъ богомилскаго происхожденія относится къ XIV в. Въ немъ составитель, сказавъ сначала, что „кто лженаписанныя и неисправленныя книги полагаетъ въ церкви, аки святы, да извержется, книги да сожгутся“, перечисляетъ самыя книги: „житіе ап. Петра что рыбы по суху ходили“, „Дѣтство Христова, что Господа отрочатемъ продавалъ“, „преніе діаволе съ Христомъ“, „о Господѣ нашемъ Исусѣ Христѣ, како въ попы ставленъ“ и др. Далѣе составитель кодекса указываетъ на суевѣрія богомиловъ: „недугъ естественный его же

трясавицами именуютъ, яко же баетъ Еремія, попь болгарскій. Глаголетъ бо окаянный сице: яко съдѣашу святому отцу Сисѣнію на горѣ Синайстей, и ангела Сихаила именуютъ, еже на соблазнъ мнозѣмъ, и седмь трясавиць Иродовы дщери (называетъ), басньствоваше злый иже на евангелисты и ни единъ же отъ святыхъ (евангелистовъ) седми (дщерей) именоваше, но едина испросшышая главу Предтечеву, о ней же явѣ есть яко Филиппова дщи бѣ, а не Иродова“... ²²⁾ Какъ видно, басни попа Ереміи имѣли разностороннее содержаніе, но во всѣхъ ихъ ясно проглядываютъ дуалистическія воззрѣнія на міръ физическій и духовный, на Бога и діавола и т. д. Особенно рельефны эти черты дуализма въ „Сказаніи, како сотвори Богъ Адама“ ²³⁾. Здѣсь твореніе перваго человѣка изображается совмѣстнымъ дѣломъ Бога и діавола, при чемъ всѣ отрицательныя свойства въ природѣ человѣка приписываются сатанѣ. Въ своеобразной окраскѣ этого сказанія русскіе усвоили извѣстное богомильское ученіе о твореніи человѣка, по которому тѣло было создано діаволомъ, и душа Богомъ.

Распространяясь и упрочиваясь на Руси, богомильство главный свой потокъ направило по линіи наименьшаго сопротивленія, т. е. на сѣверъ въ наши „народоправства“. Изъ сказаннаго ясно, какую благопріятную для себя среду богомильство встрѣтило въ Новгородѣ и Псковѣ, но кромѣ того здѣсь еще были условія, которыя также способствовали развитію его—это именно отсутствіе надлежащаго пастырскаго попеченія о религіозно-нравственной жизни „народоправцевъ“ какъ со стороны московскихъ митрополитовъ, такъ и со стороны новгородскихъ владыкъ.

Со времени м. Петра, т. е. со второй четверти XIV в. и до 80 г. г. вѣка XV, когда Новгородъ въ церковномъ отношеніи сталъ на положеніе обыкновенной епархіи, московскіе митрополиты ограничивали свои отношенія къ нему почти исключительно только поставленіемъ владыкъ и правомъ мѣсячнаго суда, бывали же такіе моменты, когда прекращались всякія сношенія между Москвой и Новгородомъ, что

²²⁾ Пыпина, Для объясненія статьи о ложныхъ книгахъ. Лѣтоп. Іоан. Археогр. Ком., I, 25—27.

²³⁾ Аристова, Христом. по рус. исторіи, стлб. 285—286.

касается внутренней жизни, такъ урегулированіе ея (а она въ этомъ часто нуждалась) митрополиты, за исключеніемъ развѣ Фотія, не принимали никакихъ мѣръ. Зависѣло это оттого, что Новгородъ, стремясь къ политической самобытности хочетъ обособиться и отъ московскаго митрополита и сдѣлать своихъ владыкъ самостоятельными. Послѣдніе, дѣйствительно, вполне проникаются этой мыслью и въ большей или меньшей степени возстаютъ противъ законныхъ правъ главы русской церкви, желавшаго прежде всего соблюсти каноническое единство и руководство въ церкви. Не смотря на то, что чистолюбивые замыслы новгородскихъ архіепископовъ встрѣчали строгое осужденіе даже со стороны константинопольскихъ патріарховъ, тѣмъ не менѣе они своихъ намѣреній не оставляли, вслѣдствіе чего между іерархами устанавливаются ненормальныя, даже просто враждебныя отношенія, недозволявшія московскому первосвященителю входить въ епархіальныя нужды города. Но не одна, впрочемъ, эта причина заставляла митрополитовъ смывать свои уста. Будучи людьми некнижными и малосвѣдующими (кроме митрополитовъ-грековъ), они даже еслибы и имѣли желаніе въ иныхъ случаяхъ не могли помочь своей паствѣ, какъ это было во время появленіе ереси „стригольниковъ“ и ереси „жидовствующихъ“. Конечно, ближайшія заботы о чистотѣ вѣры и нравственности новгородцевъ и псковичей лежали на новгородскомъ владыкѣ, но мы мало что знаемъ объ этой ихъ дѣятельности. Да и едвали она была въ дѣйствительности. Хотя въ Новгородѣ не мало было святителей, канонизованныхъ церковью, однако быть ихъ обыкновенно слагался такимъ образомъ, что они являлись скорѣе политическими дѣятелями, нежели пастырями и учителями. Кипучая, боевая новгородская жизнь, первенствующая роль въ государственномъ совѣтѣ, борьба съ внѣшними и внутренними врагами и т. д., отнимали у владыки все время, и онъ, отвлекаемый этими заботами, не замѣчалъ не только обыкновенныхъ уклоновъ въ области христіанской морали, но даже не замѣтилъ, какъ вдругъ выросла ересь „стригольниковъ“ и ересь „жидовствующихъ“. Далѣе, если московскіе митрополиты оказывались безсильными справиться съ еретическими движеніями по своей некнижности, то новгородскіе владыки были еще болѣе безнадежны въ

этомъ отношеніи. Такъ, когда обнаружилось ученіе „стригольниковъ“, то владыка Алексій просилъ пермскаго епископа Стефана, отличавшагося образованностію, составить обличеніе на развратниковъ вѣры Христовой, потому что самъ онъ не въ состояніи былъ спорить съ ними.

Важная просвѣтительная задача выпадала и на долю приходскаго духовенства, но оно не могло выполнить ее вслѣдствіе своей собственной непросвѣщенности. По самому роду своей дѣятельности, оно должно было быть свѣдущимъ въ дѣлахъ вѣры и христіанской нравственности, въ дѣйствительности же этого не было. Въ рѣдкихъ случаяхъ оно было начитанно, обыкновенно же еле грамотно и даже вовсе неграмотно. Правда, свидѣтельства о невѣжественности собственно новгородскаго духовенства идутъ отъ позднѣйшаго времени—отъ конца XV в., но нельзя думать, чтобы уровень его былъ выше въ XIV ст. Какovy были вообще священники и діаконы въ рассматриваемое время, это видно изъ статьи объ отреченныхъ книгахъ, относимыхъ къ XIV в. „Суть же ложная писанія, яко се худый си номоканонци, у поповъ, по молитвенникомъ и лживыя молитвы еже о троявицахъ“²⁴⁾. Въ другой редакціи той же статьи еще яснѣе выставляется умственная простота духовенства: „суть же между божественными писанми ложная писанія, насѣянно отъ еретикъ на пакость попамъ невѣжамъ и діакономъ, по молитвенникомъ—у сельскихъ у неразумныхъ поповъ“²⁵⁾. Какъ образецъ „невѣжества“, приводятся и дѣйствія ихъ: „неразумные попы печатали съ народомъ двери царскія въ вечеръ суботный великія суботы, уже поздѣ суши, подобяся жидовомъ“, „крепцали въ три отцы, въ три сыны, въ три святыя духи, или не погружаютъ, но обливаютъ“, „носятъ въ церковь яди, масленую и молочную, или яйца съ просфорами, или съ котьей, а то все вмѣстѣ попове освящаютъ и показиваютъ“²⁶⁾. Все, что здѣсь говорится о русскомъ духовенствѣ, вполне примѣнимо и къ духовенству новгородскому и псковскому, и даже въ большей степени, потому что оно пополнялось изъ низшихъ классовъ насе-

²⁴⁾ Лѣтоп. Занят. Археорг. Ком. вып. I, стр. 27.

²⁵⁾ Тамъ же, стр. 41.

²⁶⁾ Тамъ же, стр. 49.

ленія („мясникъ Омельяно“), гдѣ и грамотность была дѣломъ далеко необычнымъ.

Таковы были условія политическаго, гражданскаго и церковно-религіознаго быта, при которыхъ жилъ и развивался Новгородъ и младшій братъ его Псковъ. Какъ видимъ, въ немъ было много особенностей и своеобразныхъ чертъ, но всѣ онѣ въ сущности сводились къ одному: къ стремленію къ свободѣ.

„Господинъ“ великій Новгородъ, какъ обыкновенно называли себя жители его, представлялъ собою совокупность свободъ: политической, церковной и общественныхъ отношеній. Вотъ эти-то свободы и дали возможность богомильскимъ идеямъ свить себѣ прочное гнѣздо въ нашихъ „народоправствахъ“. Онѣ находили себѣ доступъ во всѣхъ классахъ общества, неисключая и владычныхъ покоевъ. Яркій примѣръ того, какъ богомильскія тенденціи усваивались иногда даже новгородскими архіепископами, представляетъ извѣстное „*Посланіе о рая*“ (ок. 1347 г.) Василия Калеки (1331—1352 г.г.). Въ этомъ „Посланіи“ арх. Василий доказываетъ тверскому епископу Теодору, что земной рай, сотворенный для первыхъ людей, не погибъ. Доказательства его, разныя апокрифическія сказанія, носятъ на себѣ явно богомильскій характеръ, особенно же характеренъ слѣдующій разсказъ, почти буквально взятый изъ манихейской космогоніи, доказывающій также существованіе земного рая. Оказывается, по разсказу Василия, что земной рай видѣли даже Новгородцы, Моиславъ съ сыномъ своимъ Алексѣемъ, когда они ѣхали по морю. Во время бури корабли ихъ прибило къ высокимъ горамъ и вотъ „увидѣша на горѣ той написанъ Деисусъ лазоремъ чюднымъ и велми издивленъ паче мѣры, яко не человѣческими руками творенъ, но Божіей благодатію; и свѣтъ бысть въ мѣстѣ томъ самосіяненъ, яко не мощи человѣку исповѣдати: и пребыша долго на мѣстѣ томъ, а солнца не видѣша, но свѣтъ бысть многочастной, свѣтлуся паче солнца; а на горахъ тѣхъ ликованія многа слышахуть, и веселія гласы вѣщающа“. Чтобы узнать, что творится за горами, одинъ изъ новгородцевъ взлѣзъ по мачтѣ на вершину ея и тотчасъ же, „всплеснувъ руками и засмѣяся“, побѣжалъ туда, откуда шло ликованіе. Пославъ другаго, новгородцы приказали ему возвратиться назадъ и разсказать, что онъ видѣлъ, но и

этотъ, забывъ наказъ, „съ великою радостью побѣже отъ нихъ“. Тогда Моиславъ съ товарищами послали третьяго, предварительно „привязавъ веревкой за ногу“ его; онъ же, какъ только увидѣлъ свѣтъ, „всплеснувъ радостно и побѣже, въ радости забывъ ужища на нозѣ своей, они же сдернуша его ужищемъ, и въ тотъ часъ обрѣтесе мертвъ“. Испугавшись, новгородцы „побѣгоша вспять“. „А тѣхъ, брата, мужей, заключаетъ свой рассказъ Василій, и нынѣча дѣти и внучата добры здоровы“²⁷⁾. Но вотъ какъ повѣствуется о началѣ борьбы между царствомъ свѣта, Бога благаго, и царствомъ тьмы въ манихейской космогоніи. Въ то время, какъ обитатели свѣта жили въ современной любви и согласіи, обитатели мрачнаго царства находились въ постоянной междоусобной брани. Во время одной изъ ихъ войнъ, пораженная партія бѣжала въ высокія горы, раздѣлявшія эти два міра; отсюда они увидѣли царство свѣта, существованіе котораго ранѣе имъ было неизвѣстно; тогда всѣ силы тьмы, устраняя свои внутренніе раздоры соединились для того, чтобы вторгнуться въ новооткрытую страну и т. д.²⁸⁾. Для насъ не подлежитъ сомнѣнію, что представленіе Василія о свѣтлыхъ райскихъ селеніяхъ, находящихся гдѣ-то за горами, имѣетъ непосредственную связь съ манихейскимъ представленіемъ о царствѣ свѣта, располагавшемся также въ высокихъ горахъ, о которомъ сыны тьмы такъ же узнаютъ случайно, какъ и Моиславъ съ товарищами о раѣ—по необычайному свѣту.

Какъ было замѣчено выше, вопросъ о поставленіи клириковъ на мѣдѣ въ Новгородѣ и Псковѣ занялъ особое положеніе. Вслѣдствіе указанныхъ причинъ, здѣсь этотъ вопросъ могъ волновать гораздо въ большей степени, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и когда тамъ протестъ противъ симоніи выливался въ каноническую форму, въ Новгородѣ и Псковѣ недовольные склонны были рѣшать его чисто практически, путемъ простаго отрицанія церковной іерархіи. Конечно, сами собою они не дошли бы до такой крайности, если бы во главѣ ихъ не стали богомилствующіе, въ интересахъ которыхъ было подорвать прежде всего авторитетъ священ-

²⁷⁾ Полн. Собр. Рус. Лѣтоп. VI, 87—89.

²⁸⁾ Истор. Христ. Церкв., Робертсона, въ перев. Лопух., т. I, 125.

ноначалія, какъ учрежденія, неимѣющаго никакой цѣны ни со стороны полученія благодатныхъ даровъ лицами, составляющими его, ни со стороны дѣйствій послѣдняго. Благодати священства іерархія, по ихъ словамъ, не имѣла потому, что поставлялась на мздѣ, дѣйствія же ея были настолько грѣховны и порочны, что невозможно было видѣть въ нихъ обнаруженіе божественной силы. Аргументація эта по существу своему несостоятельная, не могла увлечь пытливые умы, но для лицъ, которые не въ состояніи были разобраться въ догматическихъ и каноническихъ вопросахъ, она была убѣдительна. Такимъ образомъ споры о ставленныхъ пошлинахъ должны были значительно способствовать распространенію богомилскихъ идей и увеличенію ихъ послѣдователей. Въ числѣ ихъ былъ и Сеитъ со своими единомышленниками. Какъ мы знаемъ, Татищевъ опредѣленно говоритъ, что еретикъ появился въ Новгородѣ. Правда онъ не называетъ его по имени и столкновеніе его съ м. Петромъ относитъ къ переяславскому съѣзду 1311 года, на которомъ будто бы и разсматривалась ересь, тѣмъ не менѣе какъ у историка, такъ и въ житіяхъ рѣчь, несомнѣнно, идетъ объ одномъ и томъ же лицѣ. Далѣе, тотъ же Татищевъ сообщаетъ, что еретикъ былъ новгородскій протопопъ; онъ своей проповѣдью увелъ многихъ изъ приходскаго духовенства, монаховъ и простыхъ мірянъ; что же касается ученія, котораго держались его послѣдователи, то изъ него сохранена одна, но очень характерная черта, а именно, „святый ангельскій монашескій чинъ ругаху, безбожнымъ ученіемъ бѣсовскимъ именоваху, и мнози отъ инокъ, испещше, оженихуся“. Нѣтъ сомнѣнія, что въ извѣстии Татищева есть такія данныя, которыя не согласуются съ данными житій, что до извѣстной степени и обезцѣниваетъ ихъ, но все же относиться къ разсказу во всей его совокупности вполнѣ отрицательно и считать его „сочиненіемъ“ историка, неосновательно. Что это такъ, разсмотримъ прежде всего еретическое выступленіе противъ „святаго ангельскаго монашескаго чина.

Смотрѣть на это выступленіе, какъ на результатъ увлеченія „магометанской страстью къ чувственной жизни“²⁹⁾ нельзя уже потому, что оставившіе монашество женились

²⁹⁾ Арх. Филарета, Рус. Свв. сент.—декб., стр. 585.

не „помагометански“, т. е. вступали не въ многоженство, а обыкновеннымъ образомъ, какъ разрѣшаетъ христіанскій законъ, да здѣсь, ясно, рѣчь идетъ вовсе не о „чувственности“, и о самомъ монашествѣ, какъ извѣстномъ учрежденіи церкви. Дѣло въ томъ, что порицаніе монашества, какъ института, исключавшаго изъ своего обихода бракъ, въ устахъ Сеита и его послѣдователей вовсе не новость и вещь неслыханная. Къ грамотѣ п. Луки Хрисоверга, адресованной в. кн. Андрею Боголюбскому (полов. XII в.), обыкновенно присоединяется памятникъ, можетъ быть—современный посланію, а можетъ быть—и болѣе поздняго происхожденія, въ которомъ содержится цѣлая апологія „чистѣ живущихъ безженныхъ житіе и Господа ради иночествующихъ“, подвергавшихся со стороны какихъ-то людей „укоренію“ и „негодованію“³⁰). Превознося дѣвство до „небесъ“ и принижая супружество до „земли“, составитель нашего памятника доказываетъ, что монашество есть ни больше, ни меньше, какъ божественнаго происхожденія: „Софія премудрость Божія есть неизглаголаннаго дѣвства чистота“, „Христось бо печати дѣвства не вреди, отъ Дѣвы родися, да почтеть дѣвство, подобяется пречистой Богородицѣ;“ „житіе бо безженное, чистое, со ангелы равно есть“; „елико убо ангелы вышше есть челоувковъ и елико небо отъ земли, толико убо не оженивийся вышши есть женившасягося: *дѣвство бо есть* ангельское житіе“³¹). Авторъ заканчиваетъ свою рѣчь (именемъ патріарха) предостереженіемъ великому князю беречься „отъ ложныхъ пророкъ иже приходятъ въ одеждахъ овчихъ“, которые, очевидно, сильно нападали на монашество. Но выраженіе: „святый ангельскій монашескій чинъ“ не буквально сходно съ приведенными мѣстами нашего памятника? Если бы мы не знали, что „именовали“ монашество „безбожнымъ, бѣсовскимъ ученіемъ“ Сеить и его послѣдователи, то безъ колебаній мы отнесли бы это къ тѣмъ еретикамъ, противъ которыхъ написано все разсужденіе о дѣвствѣ: тожество нареканій тѣхъ и другихъ полное. Такимъ образомъ уже задолго до описываемыхъ событій существовали враги иночества, которые стремились дискредитировать его. Но кто

³⁰) Рус. Истор. Библ., т. VI, стлб. 69.

³¹) Тамъ же, стлб. 69—70.

же были эти враги? Въ нашемъ памятникѣ они называются „ложными пророками, пришедшими въ одеждахъ овчихъ“, ³²⁾ т. е. это были, значитъ, такіе люди, которые, выдавая себя за православныхъ, на самомъ дѣлѣ таковыми не были, а были еретиками; надѣвали на себя личину православія для того, чтобы легче распространять свое ложное ученіе. Слѣдовательно, *лицемѣріе* и *хитрость*—съ одной стороны, а съ другой то, что еретики были люди *пришлые*—служать характерными признаками помимо указанной ненависти къ монашеству, въ общемъ же—все указываетъ на богомиловъ, которые отличались необыкновеннымъ коварствомъ и скрытностью относительно своихъ религіозныхъ убѣжденій и на Руси XII в., дѣйствительно, были людьми заходящими. Наконецъ, въ это время, какъ извѣстно, среди русскихъ и не было другихъ еретиковъ, кромѣ бродячихъ учителей изъ Византіи и Болгаріи, разносившихъ басни, измышленныя попомъ Іереміей.

Такимъ образомъ тожество взгляда на иночество какъ со стороны заходящихъ учителей-богомиловъ XII в., такъ и со стороны Сеита даетъ возможность допускать принадлежность послѣдняго къ богомильскому толку. Само собой понятно, что богомильство должно было сказаться въ Сеитѣ не въ одномъ только отрицаніи монашества, а и въ другихъ пунктахъ ученія, но мы не находимъ на нихъ указаній въ источникахъ не потому, чтобы ихъ не было въ дѣйствительности, а по другой причинѣ.

Богомилы, какъ говорилось раньше и какъ видно будетъ впоследствии, представляли собою весьма замкнутую секту, строго охранявшую свое вѣроученіе и свои внутренніе порядки отъ постороннихъ глазъ; поэтому естественно, что люди не посвященные, неимѣвшіе доступа въ ихъ среду,

³²⁾ Приписывать трактатъ о дѣвствѣ п. Лукѣ Христовергу, который будто бы направлялъ его противъ извѣстнаго еп. Θεодота, очень близкаго къ Андрею Боголюбскому, нѣтъ возможности потому, что Θεодотъ монашества не отрицалъ; интерполятивный же характеръ его ясно виденъ изъ того, что онъ не имѣетъ никакого отношенія ни къ еп. Нестору, о которомъ рѣчь шла впереди, ни къ послѣдующему разсужденію, гдѣ идетъ рѣчь о постахъ; увѣщаніе же „соблюдатися“ отъ ложныхъ пророковъ, а не отъ Θεодота, съ очевидностію убѣждаетъ, что ни Θεодотъ не имѣлъ никакого отношенія къ трактату, ни трактатъ къ Θεодоту.

могли знать о ихъ жизни только то, что такъ или иначе дѣлалось общимъ достояніемъ, какъ, напр., практическіе результаты отрицанія монашества, когда увлеченные ересью монахи стали вступать въ бракъ. Да и невозможно допустить, чтобы Сеить съ своими послѣдователями изъ-за такого, самого въ себѣ далеко не первостепенной важности вопроса, какъ монашество, рѣшился возстать противъ церкви и отдѣлиться отъ нея. Среди монаховъ всегда бывали (и будутъ, конечно) такіе, которые, разочаровавшись, оставляли монастыри и вступали въ бракъ, но никому изъ нихъ не приходило на мысль порывать связь съ церковью изъ-за того только, что она признаетъ этотъ неудобный для нихъ институтъ;—между тѣмъ и другимъ никакой нѣтъ причинной связи и послѣдовательности.

Итакъ Татищевъ не „сочинилъ“³³⁾ исторію съ еретикомъ, а передалъ ее правдиво. Можно ему вѣрить и въ томъ, что Сеить былъ новгородскій протопопъ. Въ послѣдующихъ движеніяхъ „стригольниковъ“ и особенно „жидовствующихъ“ вся инициатива дѣйствія принадлежала духовенству: руководителями первыхъ были два *діакона*, а вторыхъ—*протопопы* и *попы*, а вѣдь эти движенія составляютъ акты одной и той же драмы, прологомъ которой было выступленіе Сеита!

Неизвѣстно, что побудило еретика вступить съ митрополитомъ въ состязаніе, кончившееся для него такъ печально, но едвали оно было добровольное. Судя по всему, Сеить велъ свою пропаганду усиленно, въ результатъ чего, между прочимъ, и получился такой соблазнъ, какъ оставленіе многими иноками монастырей и вступленіе въ бракъ. Событіе это не могло не взволновать общественнаго мнѣнія и не вызвать толковъ и за предѣлами новгородскими; толки и вѣсти дошли и до митрополита. Такъ какъ движеніе принимало необычайный характеръ, къ Сеиту примкнули многіе даже изъ церковнаго причта помимо монаховъ и мірянъ, то св. Петръ, конечно, не могъ безучастно относиться къ происходившему, и онъ поспѣшилъ въ Новгородъ³⁴⁾. Обличенія

³³⁾ Голубинскій, Ист. рус. церкви, т. II, 1-я 1/2 стр. 112, 4-е примѣч., стр. 111.

³⁴⁾ Т. о. правильное чтеніе буетъ: „пріѣхавши на прю“. Вмѣстѣ съ этимъ устраняется и возраженіе Е. Е. Голубинскаго, что „къ обыкновенному“ еретикъ митрополитъ не поѣхалъ бы, на состязаніе. Вызывать

митрополита и требованіе его немедленно раскаяться заставили Сеита, разсчитывавшаго, нужно думать, на новгородскую свободу и безопасность, открыто выступить противъ св. Петра съ защитой своихъ мнѣній. Столкновение приняло характеръ публичнаго спора, въ которомъ Сеитъ хотя и потерпѣлъ поражение, но не думалъ смиряться, и святитель проклялъ его. Однако и отлученіе отъ церкви не произвело надлежащаго дѣйствія: Новгородъ эту духовную кару неоднократно переносилъ съ спокойной совѣстью. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ на помощь духовной власти приходила свѣтская—такъ было и теперь. Татищевъ говоритъ, что митрополитъ „преодолѣ проклятаго еретика помощію и заступленіемъ князя Ивана Даниловича“: по словамъ Карамзина, Калита, дѣйствительно, былъ въ Новгородѣ въ началѣ 1319 года ³⁵⁾, когда, очевидно, и послѣдовала казнь Сеита и, вѣроятно, его ближайшихъ послѣдователей.

Θ. Ильинскій *).

къ себѣ Сеита св. Петру въ данномъ случаѣ не было нужды потому, что лжеученіе коснулось многихъ лицъ, а не его одного, вызывать же всѣхъ приверженцевъ еретика не представлялось возможнымъ да и не было цѣлесообразнымъ: нужно было во всеуслышаніе обличить заблужденія еретиковъ, что всего лучше достигалось прибытіемъ въ Новгородъ самаго митрополита. Кромѣ того, св. Петръ въ то время, когда получилъ свѣдѣнія о новгородскихъ безпорядкахъ, объѣзжалъ свою митрополию, поэтому вполне естественно ему было отправиться и въ Новгородъ.

³⁵⁾ Ист. Гос. Рос., т. IV, примѣч. 228.

*) Авторъ печатаемой статьи, преподаватель Воронежскаго Епархіальнаго Женскаго Училища, Θ. М. Ильинскій 8-го марта 1915 года скончался въ г. Воронежѣ.